

Т. И. СТЕКОВА
Т. А. ТРИПОЛЬСКАЯ
Новосибирский пединститут

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И СЕМАНТИКА ЛЕКСИЧЕСКИХ СИНОНИМОВ *ДУША* И *СЕРДЦЕ*

На конкретном лексическом материале делается попытка выделить факторы, способствующие функциональной эквивалентности существительных, используемых во вторичных значениях.

Проблемы семантического описания в теоретической лингвистике и, как следствие этого, в практической лексикографии еще недостаточно разработаны. В частности, это касается функциональной характеристики языкового знака: современные толковые словари представляют семантику слова «в статике», тогда как только анализ функционирования слова в речи позволяет наиболее полно выявить его семантические потенции. Современная лингвистика вплотную подошла к идее создания словаря «активного типа» [6]. Так, Ю. Д. Апресян считает, что, «строя определенное правило, лингвист должен работать на всем пространстве лексем и учесть все типы их поведения, не предусмотренные в словаре. ...Правила могут требовать обращения к просодическим, морфологическим, семантическим, прагматическим, коммуникативным, синтаксическим (сочетаемым) свойствам лексем» [1, с. 7].

В свете поставленных задач любопытным представляется целенаправленный функционально-семантический анализ слов *душа* и *сердце*, традиционно трактуемых как лексические синонимы с тождественной семантикой «внутренний психический мир человека».

Речевая практика свидетельствует о том, что эти лексические единицы характеризуются несовпадающими валентностными структурами. Настоящее исследование представляет собой попытку выявить и интерпретировать все типы поведения этих лексем.

«Не верю, что существует человек, у которого не дрогнет душа, не екнуло сердце в преддверии решения своей участи... Я не знаю человека, душа которого не дрогнула в преддверии операции» — эти слова принадлежат Я. Л. Цивьяну, заслуженному деятелю науки, доктору медицинских наук, профессору, человеку, по роду своей деятельности хорошо знающему, что души как предмета материального не существует. Не случайно многие хирурги утверждают, что в человеческом теле нет свободного места, где могла бы поселиться душа. Однако все мы, и специалисты-хирурги в том числе, говорим: *душа уходит в пятки, душа не на месте* (значит, есть место для

души!); *еле-еле душа в теле; в чем только душа держится; вытрясти, вытянуть душу* и пр. По данным частотного словаря, на миллион словоупотреблений слово *душа* встречается 376 раз. Из этого следует, что в нашем языковом сознании живет представление о существовании души, ее свойствах, возможностях, качествах.

Трудность семантизации подобных лексических единиц состоит в том, что понимание непредметных имен опирается на семантическую компетентность говорящих. Для того чтобы понять недескриптивные значения, необходима прагматическая компетенция [2].

Семантика слов *душа* и *сердце* достаточно полно представлена в толковых словарях, однако не сформулированы правила их употребления и адекватного истолкования в тексте. Информация эта бесспорно важна и в методическом плане (для обучения родному и неродному языку): практика вузовского преподавания лексикологии русского языка свидетельствует о том, что студенты испытывают существенные трудности в толковании семантики и употребления подобных имен. Поэтому задачей нашего исследования является функционально-семантический анализ имен *душа* и *сердце* в современном русском литературном языке.

В толковом словаре С. И. Ожегова семантика слова *душа* представлена следующим образом:

- 1) внутренний психический мир человека, его сознание;
- 2) то или иное свойство характера, а также человек с теми или иными свойствами;
- 3) вдохновитель чего-либо, главное лицо;
- 4) в человеке;
- 5) в старину: крепостной крестьянин.

В первом значении слово *душа* оказывается синонимичным слову *сердце* во втором переносном значении («орган как символ переживаний, чувств, настроений человека»). Близость значений этих слов позволяет предполагать и высокую степень взаимозаменяемости их в речи. Так, возможна взаимозамена в следующих контекстах: *сердце/душа сжимались, болели, переворачивались, дрожали, разрывались, надрывались, радовались, ликовали*.

Но наряду с этими употреблениями встречаются такие, когда взаимозамена невозможна: *Уже душа его — последнее желание жизни, отвергающее гибель до предсмертного дыхания, — уже душа его явилась наружу из исходящих тайников его тела, и поэтому лицо его и опустевшие глаза были столь мало одушевлены какой-либо жизненной нуждою, что не означали ничего, и нельзя было определить характер этого человека, его зло и добро, — а он все жил* (А. Платонов). В отличие от души сердце, как духовный мир человека, явиться наружу не может. Или: «...их душа, их понимание жизни

светлели и росли тогда, как растут растения из земли, с которой сняты каменные плиты» (он же). «Что-то» в значении слова *сердце* сопротивляется употреблению его в данном контексте.

Чтобы выявить причины возможности/невозможности взаимозамены в тексте этих слов в синонимических значениях, необходим целенаправленный анализ их функционирования в речи. Это позволит выявить возможные расхождения в семной структуре их значений, уточнить сочетаемостные возможности этих синонимов, внести коррективы в семантизацию слов *душа* и *сердце*.

Исследование проводилось на материале художественной литературы и публицистики. Было проанализировано более 150 контекстов с интересующими нас словами.

Анализ проводился в два этапа. На первом этапе обращалось внимание на значение синтаксической позиции этих слов в предложении. Причем анализировалось употребление не грамматического падежа, который является лишь «поверхностным», а семантическое значение падежа, ибо, как отмечает А. Вежибицка, «глубинные языковые категории (по мнению одних, агенс, пациенс или инструмент; по мнению других, субъект, прямой объект и косвенный объект) могут облекаться в форму любого поверхностного падежа; это только вопрос «падежной маркировки» или «падежного места» [3].

И *душа*, и *сердце* употребляются во всех грамматических падежах, и в этом между ними различий нет. Различия выявляются при анализе глубинных значений падежей. В ряде случаев совпадают и грамматические падежи, и их глубинные значения [4].

Душа и *сердце* могут выступать со значениями: объекта действия и локатива, статуального, качественного и акционального признаков; выступать в роли адресата, передавать объектно-орудийное и объектно-директивное значение, могут занимать позицию преципируемого субъекта, носителя статуального признака. Продемонстрируем это на ряде примеров:

Ее душа не смирялась; Ее терпеливое рабочее сердце в одиночестве билось сейчас против смерти (А. Платонов);

Фомин был счастлив, когда сбивал противника, вросшего в бетон и землю, или когда отчаяние своей души превращал в надежду, а надежду — в успех и в победу; — Не будет нам смерти! — сказал я врагу, и с беспамятством ненависти, возродившей мощность моего сердца, я обхватил и сжал тело Рудольфа (он же);

Нельзя плодотворно работать, если прячешь чувство пригнущенной злобы и мести в душе (Е. Мещерякова); *Он понял, что весь изранен, он чувствовал, как тает, исходит его жизнь и пусто и прохладно становится в его сердце...* (А. Платонов).

В других случаях значения, свойственные одному, не характерны для другого слова. Так, если слово *душа* выступает в

прикомпаративном значении, в значении объекта контактно-локального действия, в значении лица или предмета, а слово *сердце* — в количественном значении, в значении пространственного предела как начальной (или конечной) точки движения, то взаимозамена слов-синонимов невозможна. Приведем примеры из А. Платонова:

Видя в Паршине его душу, люди как бы ослабевали при нем, перед таким открытым и щедрым источником жизни...; И Одинцову представилась вдруг пустая душа в живом, движущемся мертвяке, и этот мертвяк сначала убивает всех живущих, а потому теряет самого себя; И та же рука, что вела его жестко вперед, та же большая рука согревала его, и тепло ее проникало ему до сердца; Но жизнь сохранилась во мне; она ушла из сердца и оставила темным мое сознание, однако она укрылась в некоем тайном, может быть, последнем убежище...

Если в случае несовпадения падежных слов *душа* и *сердце* невозможность синонимической замены явная, то труднее объяснить невозможность взаимозамены, когда эти слова выступают в тождественных значениях.

Проанализированные контексты показывают, что гораздо легче замещается слово *сердце* словом *душа*; реже контекст позволяет заменить *душу* на *сердце*, хотя семные структуры интересующих нас ЛСВ практически тождественны: 1) не материальная, а психическая сущность; 2) мир переживаний, эмоций, страстей.

Из употреблений слов *душа* и *сердце* следует, что языковое сознание говорящих (языкового коллектива) хранит их особый образ. В семантике слова присутствуют, кроме денотативного и коннотативного, эмпирический компонент, или «чувственно-наглядный образ предмета номинации». Как пишет И. А. Стернин, «в акте речи обнаруживаются разные элементы этого образа — представления о форме, вкусе, цвете, характерных деталях, весе, высоте, ширине предметов, их типичных действиях и т. д. Актуализация этих признаков, как и любых компонентов значения слова, определяется коммуникативной задачей, ситуацией речевого акта» [5, с. 74].

Слова *душа* и *сердце* входят в ЛСГ имен со значением психического состояния человека. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, «внутренний мир человека моделируется по образцу внешнего, материального мира, основным источником психологической лексики является лексика «физическая», используемая во вторичных, метафорических смыслах» [2, с. 95].

В своей работе Н. Д. Арутюнова строит семантический образ имен, обозначающих чувства, куда входит и существительное *душа*. Выявление наглядно-чувственного образа в семантике слова *душа* в сопоставлении со словом *сердце* позволяет уточнить и дополнить картину, представленную в указанном исследовании.

довании. Каков же чувственно-наглядный образ, или эмпирический компонент, в структуре анализируемых ЛСВ?

1. С точки зрения местонахождения:

Душа — подвижная субстанция: душа ушла в пятки, вытрясти душу. Они кратко без веры выстрелили во мрак, но Иван уже был подле них и с удовлетворенной яростью схватил одного противника за душу, за горло, под скулами, а в другого бросил гранату с неотпущенной чекой (А. Платонов).

Сердце — имеет постоянное место, находится там, где орган кровообращения: У меня сердце не на месте (Б. Пастернак). Местонахождение определяет и наличие такого свойства: душу можно увидеть, а сердце нет.

2. И душа, и сердце могут быть вместилищем, могут «вместать» в себя чувства, переживания, ощущения, представления:

...но что-то с тех пор запало в душу и подсказывало, что у меня есть мать (В. Богатырев); ...и в душе его тронулось привычное горе, старая тоска по погибшему дому отца; Но пожизненно останется в душе Шадрина чувство вечной, кровавой связи с армией, ставшей для него семьей, домом, школой за годы войны (А. Платонов); Хоть я и молчал столько времени, но Вы единственный человек, о ком я думаю с радостью в сердце (Д. Хармс); Но он воодушевился этой работой, он принял ее в свое сердце не как службу, но как смысл своего существования (А. Платонов).

3. Душа, как и сердце, способна испытывать определенные ощущения, воздействия: *сдавить душу, боль в душе, надирать душу, саднить душу, беречь душу.*

Онемевшее сердце его стало словно бесчувственным, чтобы не принимать в себя печали; Боль в сердце от горя и воспоминаний мешала ему иногда работать; Сколько раз дрожало его сердце, когда он всматривался в последнюю минуту в дорогое утихшее лицо друга перед вечной разлукой с ним (А. Платонов).

4. И душа, и сердце обладают способностью проявляться «частями». *Важнее всего казалось тогда ощущение, что у князя, перефразируя Высоцкого, «до крови истончал» лоскут души, обнажились нервы, как после дождя на косогоре обнажаются корни деревьев, но дерево еще живет (Вл. Стеклов). Может быть «часть», «частица» души, «кусочек» сердца. Сколько я сердца своего истратила на вас, сколько крови моей ушло... (А. Платонов).*

5. Душа напрямую не связывается с представлением о предмете, но в речи часто отражается материализованное представление о душе (от бесконечности до лоскута). Сердце связывается в сознании с представлением о предмете (сердечной мышце).

В результате анализа составляющих элементов эмпирического компонента намечается несколько типов оппозиций, существующих в языковом сознании:

1) сердце противопоставляется разуму. *Мое собственное*

сердце скрыло бы это от меня, потому что нелюбовь почти как убийство, и я никому не в силах была бы нанести этого удара (Б. Пастернак). Хотя встречается и такое употребление: *У него было впечатлительное разумное сердце художника* (А. Платонов).

2) сердце противопоставляется органам восприятия (зрение, слух). *Зряче только сердце, главного глазами не увидишь* (А. С. Экзюпери).

3) душа противопоставляется телу. *Она душой не мучается, она только телом томится,— сказал Иван Владыко* (А. Платонов). Сердце также противопоставляется телу, но оппозиция эта не так сильна, как в случае с душой: нельзя схватить за сердце, встрясти, вытянуть его.

Итак, мы видим, что эмпирический компонент в семантике слов *душа* и *сердце* не является тождественным: *сердце* более «предметно», тесно связано с физическим органом. Зачастую в контекстах наблюдается своего рода совмещение разных ЛСВ многозначного слова *сердце*.

Представления же о душе не связаны с конкретным предметом в языковом сознании говорящих; сердце имеет определенное «жилище», а местонахождение души весьма неопределенно. Именно поэтому душа легко сочетается с абстрактными существительными. Ср.: *отчаяние, апатия, свобода, состояние, безразличие, неспособность души; насилие над душой; убийство души*.

Как показывает функционально-семантический анализ слов *душа* и *сердце*, эмпирический компонент в семантике слова может также определять сочетаемостные возможности лексических единиц, сферу его функционирования.

Так, в сочетаниях *добыть сердцем, одолеть сердцем* подстановка слова *душа* невозможна, так как *душе* свойственно не чисто орудийное значение, как слову *сердце*, а объектно-орудийное (значение орудия ассоциируется с предметным образом); можно *дойти до сердца, проникнуть до сердца*, можно *уйти из сердца*, но не *до души/из души*, так как конечная и исходная точка движения предполагают наличие какого-либо предмета, который является точкой отсчета движения (сердце). Можно *коснуться души*, но не сердца, так как она может находиться внутри, выходить наружу, проявляться в глазах и лице. Именно поэтому можно *душу увидеть, представить, созерцать*, а сердце такой способностью не обладает.

В результате функционально-семантического анализа непредметных имен *душа* и *сердце* уточнена семная структура их ЛЗ, выявлен круг их лексической сочетаемости и сделана попытка объяснить различия в функционировании этих синонимических единиц: их синтаксическая валентность зависит от семной структуры ЛЗ, а именно от эмпирического компонента в семантике недескриптивных имен.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Апресян Ю. Д.* Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.
2. *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. М., 1976.
3. *Вежбицка А.* Дело о поверхностном падеже // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 15.
4. *Золотова Г. А.* Синтаксический словарь. М., 1988.
5. *Стернин И. А.* Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985.
6. *Телия В. Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.
7. *Шмелев Д. Н.* Современный русский язык: Лексика. М., 1976.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Сулименко Н. Е. Лексическая экспликация диалогичности монолога	5
Попова Т. В. Контекстное варьирование семантики производного слова	12
Блинова Л. А., Купина Н. А. Нравственные концепты в лексическом освещении (по материалам современной публицистики)	20
Тростников М. В. Метафора И. Анненского и А. Фета	31
Томилова С. Д. Периферийные семы глаголов как база для формирования вторичных значений	40
Черняк В. Д. Функциональные аспекты синонимии и проблемы текстового воплощения языковой личности	47
Гридина Т. А. Проявление системных механизмов языка в речевой деятельности (феномен языковой игры)	55
Шувалова И. Е. Семантика имени бытующего предмета в бытийных конструкциях разных типов	63
Буданова Т. А. Семантическое варьирование категории длительности в русском языке	71
Багичева Н. В. Лексическая и прагматическая семантика терминов родства	77
Новикова М. Ю. Коннотация как макрокомпонент лексического значения и как эстетически нагруженный подтекст	84
Петрунина С. П. Паронимические оговорки в диалекте	89
Хачатурова Л. А. Внутренняя форма зоонимов	93
Архарова Д. И. Функциональная семантика диалектизмов в сказовом тексте (на материале сказа П. П. Бажова «Малахитовая шкатулка»)	103
Водяха А. А. Лексические средства создания эмоционального зачи-на высказывания	110
Переволочанская С. Н. Мифологическое имя в поэтическом тексте	115
Стексова Т. И., Трипольская Т. А. Функционирование и семантика лексических синонимов <i>душа и сердце</i>	123